

Р
Г 95

Дмитрий **Г**усаров

ЦГБ Петрозаводск

80000066

28/1-2012г. ОИД
10.04.2012 Сг
5955-12.10.15
4099-7.04.16

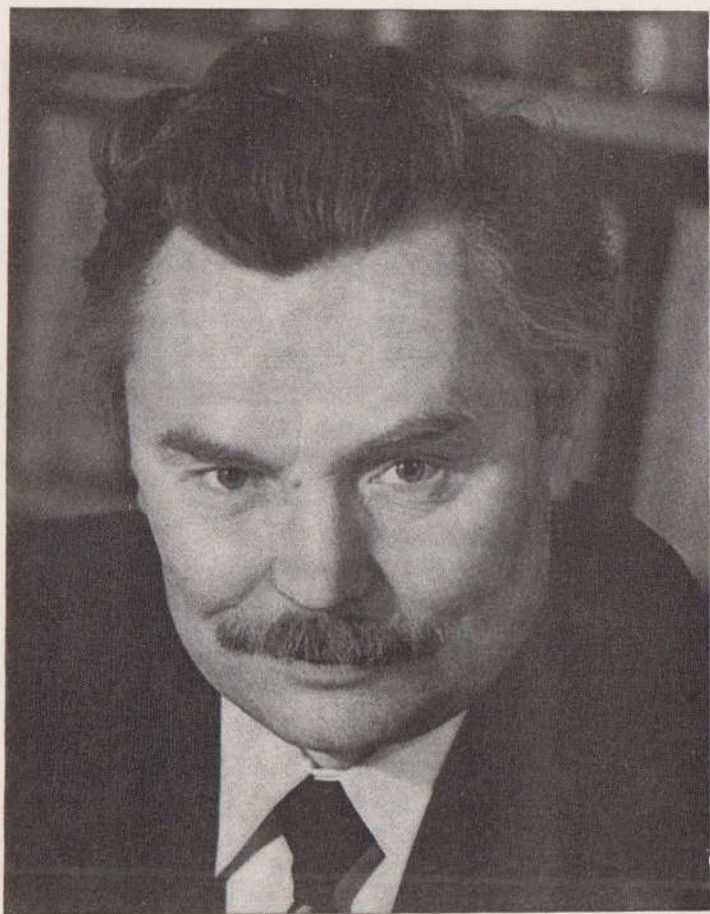

Владимиру Юрьевичу
Капцетину

с уважением к его
высокому профессионализму
и благодарностью за
доброжелательное и внимательное
отношение к людям, с пожеланием
успехов и благополучия

6/VI.89.

Вуецин 2

Р
796

Дмитрий Тусаров

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

121666-1

том
1

«СОВРЕМЕННОК»
МОСКВА
1981

Центральная
городская библиотека
г. Петрозаводск

~~Центральная
городская библиотека
г. Петрозаводск
АБОНЕМЕНТ~~

P2
Г96

© Оформление, вступительная статья издательство «Современник»,
1981 г.

Библиотека
Института
Литературоведения
и языка
ИМЛ РАН

ЖАЖДА ИСТИНЫ

В свои семнадцать лет он выбрал трудную дорогу. Выбрал не потому, что знал — дорога приведет его к будущим книгам. Выбрал, потому что воспитан был так, с чувством ответственности перед семьей, людьми, а значит — перед Родиной. По призыву ЦК ВЛКСМ в числе пятидесяти уральских комсомольцев он добровольцем ушел на Карельский фронт в конце лета 1942 года.

Что пришлось испытать в партизанском отряде «Боевые друзья» парнишке, еще недавно мечтавшему о флоте, собиравшемуся идти в мореходку? «Там, где он воевал, героизм и мужество нельзя было измерять количеством спущенных под откос эшелонов или взорванных мостов. Не было там ни обширных партизанских районов, ни многотысячных отрядов и бригад. В памяти — прежде всего далекие, неимоверно тяжкие походы, бесконечные леса, горы, болота»...

Я выписал цитату из книги Дмитрия Гусарова «Цена человеку». С полным правом отнести ее можно к писателю. Сначала рядовым, а затем командиром отделения разведки он участвовал в двенадцати походах партизан по тылам финской армии. Пережитое в дальних рейдах по оккупированной территории определяло и определяет всю дальнейшую жизнь писателя. Ночные вылазки, диверсии на коммуникациях, быстротечные, но каждый раз уносящие из жизни твоих товарищей, схватки с противником, и потом опять длинные версты тяжелого пути по пустой враждебной земле, где все вокруг чужое, нет ни укрытий, ни баз, и только преследующие тебя не один день опытные финские егеря, и, наконец, прорывы через фронт. Двенадцать походов, и цену каждому из них партизаны запоминали на всю жизнь. В одном из таких походов в марте 1944 года, во время разгрома финского гарнизона в заонежской деревне Конда Дмитрий Гусаров был тяжело ранен, доставлен в тыл и долгое время лечился в госпитале в городе Архангельске. С той поры надолго появился у молодого двадцатилетнего партизана спутник — палка, на которую

приходилось опираться при ходьбе. Духом партизан не пал и даже писал заявление о приеме в Одесскую мореходку.

Запас наблюдений партизанской поры оказался для Дмитрия Гусарова той благодатной почвой, которая и взрастила в нем писателя. Если говорить о двух тенденциях в современной военной прозе, тенденции романтической и тенденции сурового реализма, то, несомненно, Гусаров является сторонником второй из них. Более того, и внутри нее он тяготеет к художественно-документальной форме. Говоря о прозе Гусарова, Сергей Зальгин очень верно заметил: «Есть, существует и такая художественность, пафос которой, эмоциональность, форма, содержание — все заключается прежде всего в ее достоверности».

Достоверность — кредо писателя еще во время написания первой повести «Плечом к плечу», опубликованной в четырех номерах журнала «На рубеже» за 1949 год. В ней заметны те принципы сурового реализма в изображении войны, которые через несколько лет так ярко обозначились в произведениях А. Ананьева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, В. Быкова. Молодой писатель со всей литературной неопытностью взялся яростно и страстно доказывать читателю «как это было». Быть бы ему через скорое время среди зачинателей нашей славной военной прозы...

Партизаны говорят: разведчику первая ложка и первая пуля. Когда же будет ложка, а когда пуля, никто не скажет. Опередил писатель немного то время, которое вызвало целый поток талантливых и ярких произведений о Великой Отечественной войне. Первая повесть молодого автора оказалась под обстрелом литературной критики. Серьезные ошибки у автора искали и находили не в стилистике, не в малом писательском опыте построения композиции, а в содержании, в достоверности изображаемых событий, в безусловном знании проблем партизанского движения. Уже на излете пресловутая «теория бесконфликтности», столь много вреда принесшая советской литературе, успела ударить по молодому прозаику. Пришлось отложить «главную книгу» о войне на более позднее время. Идти долгим кружным путем к взлету романа «За чертой милосердия».

Досадно, что Дмитрий Гусаров на какой-то момент поверил критике. Поверил, что книге мешали трагические детали выноса раненых из болота, трудной эвакуации отступающей части. Поверил, что жизнь в ее трудной действительности не может быть интересной для читателя. Поверил потому, что и сам по неопытности хотел «...написать что-то необыкновенное, придуманное, сюжетно усложненное, как-то круче и острее завернуть коллизию. Тогда казалось,— говорил писатель в интервью карельской газе-

те,— что сами реальные факты не могут быть интересными для читателя, который пережил войну».

Трудным оказался путь первой повести. Переделывая ее в начальную часть романа «Боевой призыв», Дмитрий Гусаров согласно требованиям критики «героизировал» ее, выпрямляя все овраги до гладкости бумаги. Затем в 1966 году, готовя роман к переизданию, он третий раз переписал эту часть романа согласно своим выстраданным убеждениям — как писать о войне.

Дмитрий Гусаров искал своих героев. Искал прежде всего в собственном фронтовом опыте, а потом уже переносил их на страницы романа и повестей, очерков и рассказов. Кто как относится к повторяемости типов героев в прозе Гусарова, я же радуюсь этому, радуюсь, ибо вижу, как зреет характер во всей сложной, социально-нравственной, философской его наполненности. От Лопухина в «Боевом призыве» к Орлиеву в «Цене человеку» и уже во всей законченности к комиссару Аристову прослеживается, к примеру, характер неумолимого вершителя, человека-идеи. Подобные люди, даже не понимающие своих явно идеалистических позиций, давно забыли, что любая идея существует ради людей, а не наоборот, эти герои боятся живых носителей своей же идеи, видя в них неизбежные отклонения от раз и навсегда затвержденных императивов. Они боятся самой жизни, ибо жизнь всегда богаче любых представлений о ней.

...А жизнь — это и боевые действия столь любимых писателем разведчиков и взрывников. Герои прозы Гусарова — как правило, носители естественной народной морали, которая героизм во имя народа считает самым нормальным поступком в жизни человека, потому как иначе и быть не могло, это все равно, что дышать воздухом. К таким я отношу Павла Кочетыгова из романа «Цена человеку», Лешу Кочерыгина из рассказа «Раненый ангел», и, наконец, любимого героя автора Васю Чуткина из романа-хроники «За чертой милосердия». «Без Васи Чуткина для меня нет похода Бригады,— признается Гусаров.— Через этот образ я хотел выразить мое представление о скромности истинного мужества и героизма».

Характер выдуманного ли Васи Чуткина, подлинного ли Ивана Соболева уходит в историческую глубь народной жизни. В те трагические эпохи, когда без осознания себя лишь в народе, без могучей соборности духа не устоять бы России как таковой. Вспоминается случай с поморскими рыбаками, спасшими Архангельск от шведского флота в начале Северной войны. Петр Великий, царь-европеец, велел наградить оставшегося в живых рыбака, а непосредственный архангелогородский начальник прежде

всего наказал его за самовольный выход в море. Архангельскому воеводе было непонятно поведение Петра I. Окажись в море не Иван Рябов, а кто-либо другой, он также постарался бы завести неприятельские суда на мель прямо под огонь береговой батареи. И сделал бы он это не задумываясь, узнают о случившемся товарищи или нет. Ничего другого представить нельзя было. Это не геройство, а естественное поведение.

Таковы герои Дмитрия Гусарова — люди высшего нравственного порядка. Враги постарались оклеветать Андрея Лукича (роман «Боевой призыв»), никто долгие годы не знал о героическом поведении в бою Павла Кочетыгова (роман «Цена человеку»), уже в наши дни узнает от финна герой рассказа «Раненый ангел» об обстоятельствах гибели помкомвзвода Леши Кочерыгина, гибнет в безвестности молодой партизан из рассказа «Банка консервов», принимая последний бой один, вдали от своих, и уже не ради людской памяти сохраняет он честь и достоинство партизана, а в силу нравственной невозможности поступить иначе. На миру и смерть красна, а ты попробуй встретить ее так, как Вася Чуткин или весь взвод Бузулуцкого из романа «За чертой милосердия», о гибели которого узнали лишь в 1970 году.

Пожалуй, никем из военных прозаиков так подробно не исследовался герой, совершающий подвиг в безвестности, иногда даже имеющий возможность уклониться от боя не ради собственной жизни, а ради того, чтобы добраться до своих и развеять подозрения у сверхбдительных Куглиных, который «...никогда никому не верит и делает вид, что знает о каждом больше, чем тот знает о себе», но не уклоняющийся, уходящий заведомо в неясную пустоту. Разве что в одной из повестей Василия Быкова встречаем мы подобную ситуацию. Почему? Да потому, что сама особенность партизанской войны, когда бои в одиночку скорее правило, чем исключение, привела к тому, что именно писатель из бывших партизан обратился к исследованию такого типа героя, дотоле неизвестного в советской военной прозе. Надо не забыть, что такой герой был выведен писателем в первом же его рассказе «Два случая одной жизни», написанном в 1945 году и тогда же принятом к опубликованию в альманахе «Уральский современник».

Писатель нашел свою точку приложения в военной теме. А может, тема сама нашла его и сделала писателем. Не случайно в рассказе «Раненый ангел» писатель вспоминает: «Я уже понимал, что происходит со мной, но ничего не мог с этим поделать. Вот уже тридцать лет каждое необычное переживание обязательно возвращает меня к годам войны. Достаточно малейшего

толчка, и сознание непроизвольно ищет схожести и подобия в прошлом, память тут же оживляет их — и я живу уже как бы в двух временных пластах. Такова уж, видно, особенность моего поколения, взрослыми мы стали на войне».

«...Два временных пласта» — как знакомо это нашей литературе — «Берег» Ю. Бондарева, «Годы без войны» А. Ананьева, «Цена человеку» Д. Гусарова... Вроде бы не о войне этот второй по времени написания роман карельского прозаика. «Цена человеку — дела его» — эти горьковские слова, отнесенные к роману, становятся как бы ключом произведения, показывающего человека и его дела в мирное послевоенное время. А как много в романе связано с войной. «Цена человеку» разделена на четыре части, и в них вклиниваются четыре же рассказа о войне. Повествование о людях и делах карельского леспромхоза прерывается эпизодами партизанского прошлого этого края, партизанского прошлого его главных героев. Временные пласты единятся неразрывной связью поисков правды в человеке, о человеке. Поведением на войне поверяются его герои, поведение, сколь бы героическим оно ни было, не дает индульгенций на будущее, скорее дает чувство высшей ответственности за свои дела, готовность идти в бой не ради славы, ради жизни на земле. Писатель вышел на своего героя, на свою тему...

...Вдруг «Три вести из жизни Петра Анохина». Своеобразное повествование историко-революционного жанра о жизни и деятельности большевика-ленинца Петра Анохина. Что это? Может, мне показались и приверженность писателя к партизанской теме, и его стремление к истине, лишь увиденной, пережитой им самим. Говорю — художник силен прежде всего в художественно-документальной прозе о войне. А писатель тем временем пишет роман чисто художественный о карельских лесозаготовителях, затем повествование о революционере. Конечно, тем и интересен писатель, что его не уложишь в самую распрекрасную схему. И все же, все же...

Именно «Трех повестей из жизни Петра Анохина» недоставало Дмитрию Гусарову, чтобы прийти к своей вершине — роману «За чертой милосердия».

Ему необходимо было обрести умение не только свидетельствовать об увиденном, пережитом, наболевшем, но и отстраненно анализировать документы, видеть общую стратегическую картину событий, частную жизнь любого из участников этих событий. В работе над книгой об Анохине Дмитрий Гусаров учился максимально строгому отбору материала, учился «обобщению, основанному на документализме».

Не всегда правда времени соответствует правде героя, и писатель-историк обязан отчетливо это помнить, чтобы с высоты нынешних лет не приписать своему герою заведомо верные слова, которые в тот период данный герой никак сказать не мог, не оправдывать те или иные его действия нынешним пониманием истины. Писатель должен оставаться в описываемом времени и вместе со своим героем мучительно продираться к истине.

Конечно, романтически настроенного подростка из захолустного Петрозаводска легче было вовлечь в эсеровские вооруженные акции, чем в многотерпеливую пропагандистскую, кажущуюся «занудной» работу социал-демократов. Одним махом семерых побивахом. Вот и идет Петя Анохин, решая сразу все проблемы мировой справедливости, с ножом на полицейского провокатора. Прошли годы тюрем, каторги, ссылки, прежде чем из юношески наивного мстителя вырос зрелый, убежденный большевик. Человек, взявший на себя всю полноту ответственности за установление Советской власти в Карелии. Оборвалась жизнь Анохина внезапно, уже на Дальнем Востоке, где он был одним из руководителей ДРВ. В случайной стычке с бандитами он был убит.

Своеобразно построение книги об Анохине. Дмитрий Гусаров выбрал три момента из жизни революционера. Три момента, объясняющие всю его жизнь. Первая повесть — миг рождения революционера. Покушение на сыщика и события, последовавшие за ним.

Вторая повесть — вершина всей жизни Анохина, его наивысший творческий подъем, когда на посту председателя Олонецкого губисполкома, оторванный от всякой связи с центром, не имея ни времени, ни возможности согласовать свои действия с Петроградом или Москвой, он сам политическим чутьем опытного революционера определял дальнейшие шаги революции здесь, на Севере.

В третьей повести самого Анохина уже нет, идет следствие по его гибели. Вместе с обстоятельствами смерти героя прорисовывается вся сложность работы на посту руководителя в этой буферной, временной республике.

Сотни прочитанных документов, многодневная кропотливая работа в архивах Читы и Петрозаводска помогли автору понять своего героя, увидеть его глазами современников, друзей и врагов. С ощущением полной достоверности Дмитрий Гусаров заполнял недостающие звенья в жизни Петра Анохина, которые невозможно проверить никакими документами. Самый дотошный историк, прочтя эту книгу, не упрекнет писателя, что так не могло быть. Это не значит, что так и было. Вымысел всегда остается вымыслом. Но исторически так могло произойти.

Работа над книгой о Петре Анохине окончательно утвердила представление Дмитрия Гусарова о военной прозе. О том, как ее надо писать. Он вобрал в себя все понятие того, что война — это такое важное событие в жизни народа, которое прежде всего требует от писателя реального факта. Даже, если герои вымышлены, даты изменены, реальная, достоверная основа событий, переживаний, чувств делает реальными и самих вымышленных героев. Писатель возвращается к «главной книге», задуманной еще в самом начале литературной деятельности. К роману о походе партизанской бригады Григорьева по финским тылам. Гусаров не был участником этого самого крупного на Севере партизанского рейда в годы войны. Когда он с пятьюдесятью уральскими комсомольцами приехал в Карелию, в партизанском отряде «Боевые друзья», куда его зачислили, после григорьевского рейда оставалось в живых лишь около двадцати партизан. Рассказанное ими настолько поразило Дмитрия Гусарова, что никакие походы, в которых уже участвовал сам, не заслонили от него величие и трагедию григорьевского. Предчувствуя свой роман «За чертой милосердия», он подбирается к событиям рейда в романах «Боевой призыв», «Цена человеку». С тем, чтобы, когда придет время, взяться за роман, характеры главных его героев, композиция сюжета были выношены в их окончательной зрелой форме. Писатель боялся себе признаться, что в ранних произведениях он как бы репетировал события, проходившие в том знаменитом рейде. И все же вначале был задуман роман о бригаде Григорьева художественный, со своим сюжетом, своими литературными героями. Нужен был опыт книги об Анохине, нужны были первые художественно-документальные книги о войне Д. Гранина, К. Симонова, чтобы окончательно понять — правда этого похода требуется читателю больше, чем самое хорошее правдоподобие. «Я чувствовал себя обязанным воздать должное не придуманным, а реальным бойцам и командирам. Мне хотелось, чтобы память об этих людях осталась где-то запечатленной. И я решил писать документальный роман», — вспоминает Дмитрий Гусаров.

Работа над ним началась в 1969 году. Затем семь долгих лет поисков живых участников похода, документов партизанского движения, свидетельств фронтовой печати. В романе «За чертой милосердия» писатель использует перехваченные радиogramмы, боевые донесения и, что немаловажно, свидетельства о походе финской стороны. Значение финской документации оказалось даже больше, чем предполагал автор. О пользе похода немало спорили до самого последнего времени. Невыполнимость задач, поставленных перед командованием бригады, гибель большей

части его участников, трудности со снабжением партизан продовольствием заставили усомниться в пользе столь крупных рейдов по лесам Карелии уже сразу после окончания похода. Он был на Севере первым и единственным. Только сегодня мы узнаем, благодаря финским источникам, что Маннергейм лично следил за развитием операции по уничтожению партизанского соединения, ежедневно требовал докладов по этому вопросу, что общая численность соединений, брошенных на разгром бригады в шестьсот человек, составляла более трех тысяч опытных финских егерей. Значит, эти тысячи финнов не пошли под Ленинград, где в 1942 году было самое тяжелое положение. Финны подтвердили — поход не был напрасен.

Кроме документов и записей бесед с участниками похода, у Дмитрия Гусарова было личное право на описание григорьевского рейда. Право участника двенадцати походов в примерно схожих условиях, причем два из них было тоже длительных, летних. Немало ситуаций знакомо писателю по собственному опыту. И самое главное — знание психологии людей в таких рейдах, знание того, во что они верили, о чем думали в те дни и месяцы, когда они уходили кто надолго, а кто навсегда «за черту милосердия».

Документальный роман — есть в этом жанре своя опасность. Не так легко подчинить законам художественного развития сухую строчку документа, не отклоняясь от точности факта. На основе рассказов, описаний, радиограмм рождались образы командира бригады И. Григорьева, погибшего во время рейда, начальника штаба, бывшего пограничника Д. Колесника, комиссара бригады Н. Аристова. За каждым из героев вставала его невыдуманная биография, но лишь выстроив общую нравственную концепцию романа, Гусаров сумел понять место каждого из героев в нем. Каждый день похода, начиная с выхода из поселка Сегежа бригады в количестве 650 человек и до возвращения через 57 суток ста двадцати истощенных партизан, проиллюстрирован документами. Вроде бы иные из рассказов свидетелей и участников боев не вписываются в основную линию романа, которая определяется все же главными интересами бригады, но образ соединения, коллективный портрет его становится достоверным именно тогда, когда он строится на основе реальных эпизодов, рассказанных Иваном Соболевым, Анной Балдиной... Каждый из эпизодов несет свой нравственный заряд, духовность, идущая от них, та же самая, что и духовность воинов поля Куликова, Бородинского поля или же Прохоровского поля, на котором состоялось крупнейшее за всю войну танковое сражение, завершившееся победой

советских войск. Один побеждает в никому не известном эпизоде, другой на поле, ставшем историческим. Но кто из них более герой, кто больше внес в победу? И большие и малые победы в равной мере определяли и определяют победу народа.

...Первые удачные бои отряда, чувство растерянности перед надвигающимся голодом, борьба с финнами за каждый сброшенный с самолета мешок с продовольствием, бои в окружении и, наконец, прорыв через линию фронта — весь ряд событий показан убедительно, достоверно, с той значимостью, которая диктуется не масштабами боевых операций, а истинностью человеческих судеб. Не стали одномерными его невыдуманные герои. Читатель видит сложность во взаимоотношениях между командиром бригады и комиссаром, видит и единство их перед ответственными операциями. Он видит суровую правду войны в боях, прорывах, тяжелом отступлении, когда приходилось поступать безжалостно даже со своими ранеными. «Кто не мог бежать и падал со стоном в мокрый и холодный мох, тот уже ни на что не рассчитывал, перемогал первую острую боль и с безнадежной тоской гнал от себя сандружинницу: зачем погибать и ей... И каждый, ожидая рассвета, решал свою судьбу по-своему...»

Суров и неслучаен заголовок романа «За чертой милосердия». Кто определит границы нравственного поведения на войне, когда встает дилемма — как быть, что делать с десятками тяжелораненых, если нужно прорываться из окружения, чтобы не погибла вся бригада? Кто определит, где кончаются границы воздействия приказа и вступает в силу даже перед лицом смерти закон человеческой совести? Все человеческие принципы, все его мечты и идеалы проверяются в этих схватках на излом, на разрыв. Что, кроме совести патриота, определяет поведение партизан в окружении, когда временами дисциплины приказа нет, потому что некому его отдавать?

Поведение человека за чертой действия его же человеческих законов добра и зла встает крупным планом со страниц романа. Видно, что всегда и во всем человек подуден не только законам юридическим, законам военного времени, но и тем же законам изначальной нравственности. Уже в соавторстве со всеми бойцами из бригады творит писатель правду, воздействующую на нас всех. Дмитрий Гусаров обращается к художественно-документальной прозе не ради смакования кричащих моментов.

Поток документов, изданных отдельно, не может справиться с сегодняшней тягой читателя к истине. Нужен субъективный художественный дар, выделяющий из этого потока наиболее значимые факты, нужна нравственная концепция автора, объединяю-

щая факты самого разного ряда в цельное представление о борьбе народа. Простое перечисление ужасов войны, лишенное морально-этического мироощущения художника — такой «объективизм» подобен бабочке-однодневке, он не уживается в памяти народной. Дмитрий Гусаров, внося в документальный ряд свое личное начало, делает книгу единым документом уже художественного ряда, ибо позиция автора — тоже документ. Константин Симонов в письме к Гусарову, опубликованному в десятом номере журнала «Дружба народов» за 1977 год, не случайно замечает: «Вы написали книгу суровую и точно соответствующую своему очень обязывающему названию «За чертой милосердия». И нравственная сила людей, о которых написана Ваша книга, именно потому и очевидна, что с достаточной очевидностью и подробностью рассказано о том, в каких жесточайших условиях проявляли эти люди мужество, терпение, стойкость, человеколюбие, и каких усилий им все это стоило — и физических и нравственных».

Документ в романе оказывается основой для разговора о человеке на войне, основой доверия читателя, истинности даже вымышленного героя. Василий Чуткин — единственный по-настоящему вымышленный герой романа — держит на себе все действие книги, на нем поверяются действия невыдуманных Григорьева и Аристова, Живякова и Колчина. Он — тот высший нравственный судья, имя которому — народ. Чуткин — тот национальный нравственный идеал, который присутствовал по-разному в каждом из воинов бригады, к которому стремились или который отталкивали как чужой. Ибо для него не существовали законы данного момента, и в радостях своих, и в делах, в гибели своей он живет согласно высшему нравственному смыслу событий, и его истина остается истиной через десять, двенадцать, сколько угодно лет, в то время, как истина Аристова оказывается исторически неоправданной уже в наших глазах.

Можно говорить о влиянии на формирование образа Чуткина героев Твардовского, Шолохова, Симонова. Все будет правдой. В то же время Чуткин — чисто гусаровский герой. Тот условный герой, который жил всю войну и выиграл всю войну, но которого не опишешь документально — ибо это сгусток русского человека и русского духа, который жил везде и во всех со всей своей совестью, поисками правды и в то же время готовностью погибнуть, не думая о себе, если это надо для жизни всех.

Такой герой как бы вдвойне подтверждает достоверность каждого в романе, достоверность событий, истинность переживаний. К нему Дмитрий Гусаров шел давно, от первых рассказов, от повести «Плечом к плечу», романа «Боевой призыв». Он придал

значимость достоверности документального романа, а значимость романа придала достоверность ему самому.

Достоверность и значимость — вот два знамени пути, по которому идет писатель Дмитрий Гусаров, волею судьбы ставший карельским писателем. Знали ли, думали ли в семье деревенского кузнеца Якова Гусарова из села Тулубьево, что под Великими Луками, в тот осенний день 4 октября 1924 года, что сын их, только что родившийся, окажется со временем достаточно далеко от псковских земель и будет живописать землю древней Калевалы, а не родные среднерусские места. Это типично для нашего бурного времени. У каждой семьи сегодня по несколько малых родин: где родился, где вырос, где воевал и где осел на землю. Вот и ездят сегодня по всей России бывшие псковские, вологодские, рязанские. Вот и оспаривают право: чьим писателем считать того или иного известного мастера слова. Казалось бы, после Псковщины во временных окрестностях войны всего три года пробыл Дмитрий Гусаров на Урале: год до ухода в партизаны, когда семья переехала в эвакуацию в Ирбит, и два года после войны. Но за этот период в маленьком, достопамятном бывшей когда-то всероссийской ирбитской ярмаркой, а ко времени войны известном лишь двумя небольшими заводами — автоприцепов и мотоциклетным, Ирбите Дмитрий Гусаров закончил среднюю школу, начал трудовую жизнь. Отсюда же молодой электросварщик, не дожидаясь призывного возраста, по комсомольскому призыву ушел в партизаны. Здесь написал он свои первые произведения о карельских партизанах. Вот и считают его своим на Урале, числят ветераном уральского комсомола, ждут от него книги о партизанах-уральцах.

...Псков, Ирбит, Ленинград, где кончал университет, Петрозаводск — все вместе Россия, Родина. Которая воспитала такого парня, что не стал дожидаться своего черед и ушел добровольцем в семнадцать лет, писателя, никогда не уходящего от самых сложных социально-нравственных проблем нашего общества, руководителя одного из лучших региональных журналов «Север», не в малой степени определяющего литературную жизнь страны. За работу в журнале Дмитрию Гусарову присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР. Самый взыскательный читатель помнит произведения Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Д. Гранина, В. Личутина, обретшие не без участия Гусарова жизнь на страницах «Севера». Дмитрий Гусаров постоянно учится у своих авторов. Чтобы позже учились у него более молодые собратья по перу, учились синтезу достоверности и значимости, художественности и документализма, столь талантливо обознача-

тому в романе «За чертой милосердия», впервые вышедшем в 1977 году и почти сразу же получившем Государственную премию Карельской АССР.

Потому и заговорили не только на русском, а и на чешском и финском языках герои Дмитрия Гусарова, что тема мужества и героизма карельских партизан, вроде бы такая локальная и малозначимая, стала темой действительной глубины человеческой жизни, которая — как летопись древних веков — в мнимой малости событий несет в себе большую правду жизни.

Владимир Бондаренко

Цена человеку

РОМАН

ВМЕСТО ПРОЛОГА

I

*Свердловск, Пролетарская, 13, общежитие,
ком. 10. Курганову В. А.*

На Ваш запрос отвечаем:

1. Возвращаться Вам в наше распоряжение не следует. Если Вы годны к дальнейшему прохождению службы, то призвать в действующую армию Вас может райвоенкомат по месту Вашего жительства.

2. Сандружинница Рантуева Ольга Петровна 17 апреля 1944 года отчислена из партизанского отряда «Народные мстители», и ее настоящее местонахождение нам неизвестно.

3. Почему никто из отряда не отвечает Вам на письма, Вы как бывший партизан должны легко догадаться, если следите по сводкам Совинформбюро за событиями на Карельском фронте.

*Пом. начальника отдела кадров ШПД на Карельском фронте —
Лейтенант административной службы*

(Кармакулов)

7 августа 1944 года.

II

*Министру социального обеспечения
Карело-Финской ССР*

Как бывший командир партизанского отряда «Народные мстители» ходатайствую о разрешении назначить в порядке исключения пенсию сыну партизанки Рантуевой Ольги Петровны за погибшего отца, командира отделения разведзвезда Кочетыгова Павла Васильевича.

Рантуева О. П. вступила в партизанский отряд с момента его организации и на протяжении почти трех лет безупречно и самоотверженно выполняла долг сандружинницы. Награждена орденом Красной Звезды. В апреле

1944 года в связи с беременностью была отчислена из отряда, и в октябре этого же года у нее родился сын.

Рантуева О. П. не состояла в законном браке, но все в отряде знали о ее многолетней дружбе с командиром отделения разведзвода Кочетыговым П. В., который героически погиб в боях за Родину, был трижды представлен к правительственной награде и в последний раз посмертно к ордену Красного Знамени.

Понимаю, что согласно Указу от 8 июля 1944 года, Рантуева, своевременно не зарегистрировавшая свой брак, имеет право лишь на пособие как мать-одиночка. Однако, учитывая боевые заслуги как самой Рантуевой, так и ее небрачного мужа, ходатайствую о назначении пенсии ее сыну за погибшего отца, так как верю, что если бы жив был Кочетыгов П. В., то их брак с Рантуевой О. П. был бы позднее зарегистрирован. Считаю нужным сообщить, что о моем настоящем ходатайстве сама Рантуева О. П. не знает.

*Председатель Тихогубского райисполкома,
бывший командир партизанского отряда*

Орлицв Т. З.

Апрель 1945 года.

III

*Председателю Тихогубского райисполкома
тов. Т. З. Орлицву*

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Довожу до Вашего сведения, что назначенная по распоряжению Министерства соцобеспечения пенсия за погибшего отца сыну Рантуевой О. П. Рантуеву Р. О., проживающему в дер. Войттозеро, в размере 200 рублей матерью не получается. Невостребованные переводы вот уже несколько месяцев лежат на почте и возвращаются обратно, внося путаницу в ведение дел, а сама Рантуева на наше письмо ответила, что пенсию получать не будет.

Заведующий райсобесом Мякишев

Август 1945 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

В гостинице свободными оказались лишь номера «люкс». Денег было в обрез, и Виктор отошел от окошка. Но, встретив выжидающий взгляд Лены, сидевшей в вестибюле на чемодане, снова направился к администратору.

Пожилая администраторша, позевывая в ладонь, предупредила:

— Только на два дня. Послезавтра республиканское совещание, «люксы» понадобятся...— Свернув паспорта, она спросила, указывая на паспорт Лены: — Это кто, жена?

— Жена.

— Предъявите брачное свидетельство.

— Зачем? — удивился Виктор. — Разве отметки в паспортах вас не устраивают?

— Предъявите брачное свидетельство, — повторила администраторша.

Ее беспрекословный тон задел Виктора.

— А если у нас нет этого ценнейшего документа? Забыли дома... Что тогда? — с издевкой улынулся он.

— Гражданин Курганов! Вашу иронию оставьте при себе! Мужчину и женщину я имею право прописать в один номер лишь при наличии у них брачного свидетельства. А тем более у вас разные фамилии. Вы человек с образованием и должны понимать, что к чему.

— Редкостное гостеприимство! Начинается прямо с подозрений!.. — Виктор повернулся к жене: — Лена, доставь брачное свидетельство!

Настроение было испорчено. Если бы не жена, он сейчас поступил бы очень просто. Забрал бы документы и ушел в трест дожидаться начала рабочего дня. Но Лена... Еще в вагоне она мечтала о том, как они впервые проведут день или два в гостинице незнакомого города. Детская романтика, вычитанная из книг! В жизни все выглядит грубее, жестче.

Вскоре все формальности были закончены. Админист-

страторша, протягивая ордер, примиряюще улыбнулась подошедшей к окошку Лене:

— Колкий у вас муж.

Как только за горничной захлопнулась дверь двухкомнатного, отделанного под карельскую березу «люкса», Лена принялась наводить порядок. По-своему застелила широкие, красного дерева кровати, переставила тумбочки, убрала с письменного стола стекло, которое, по ее убеждению, допустимо лишь в учреждениях.

Виктор, сидя в мягком кресле, молча наблюдал за ее тщетными стараниями превратить шикарный, но казенный до последней мелочи номер в уютный по-домашнему уголок и все тверже приходил к убеждению, что они должны уехать из Петрозаводска сегодня же. В любой район, в любое захолустье, но только туда, где он будет иметь интересную работу и свою, пусть самую скромную, квартиру! Конечно, Лене будет трудно в лесном поселке, она всю жизнь прожила в большом городе, но у нее такие ловкие старательные руки, такое доброе сердце, что ее все будут любить. Она сама в вагоне мечтала о жизни в глуши, среди лесов и медведей, хотя ни того, ни другого еще не видела. Конечно, это романтика! Она мечтает о чем угодно и обо всем с одинаковой восторженностью.

Когда-то и он был таким. Но его романтику развеяла война. Там некому было заботиться о постепенности возмужания, там не было для этого ни времени, ни условий. Там учила сама жизнь, суровые и опасные партизанские будни, где малейшая ошибка стоила слишком дорого.

А возможно, Лена лишь делает вид, что с радостью поедет в лесную глушь. Может, она лишь готовит себя заранее к наихудшему? Сам он часто поступает так. Если впереди выбор, то лучше укрепиться в мысли, что тебе выпадет самое плохое. Предвиденное плохое все-таки лучше неожиданного...

— Чем ты расстроен? — Лена присела на валик кресла. — Смотри, как чудесно стало у нас, особенно в гостиной.

— У нас?! — усмехнулся Виктор и быстро заговорил: — Знаешь, здесь, в Петрозаводске, живет бывший комиссар нашего отряда. Может, мне сходить к нему?

— Конечно, надо зайти, а как же?

— Нет, ты меня не поняла, — поморщился Виктор. — Он крупный партийный работник, чуть ли не заведом ЦК.

— Так что ж из этого. Ему тоже приятно будет увидеть тебя. Ты тоже вырос: был мальчишка, девятиклассник, а теперь инженер! Это даже интересно, как он встретит тебя. Я очень хотела бы посмотреть!

В ее голосе было столько гордости за него, что Виктор обнял Лену и, глядя ее жесткие, звенящие под рукой волосы, вздохнул:

— Глупышка ты моя! Разве в интересе дело. Разве в том, чтобы посмотреть...

2

Они познакомились четыре с половиной года назад, когда Виктор учился на первом курсе лесотехнической академии.

23 февраля, в день Советской Армии, Виктор в числе других участников войны должен был выступить с воспоминаниями на традиционном студенческом вечере.

Полгода почти никто в академии не знал, что во время войны он был партизаном. Фронтовики-студенты часто рассказывали такие случаи из военной жизни, что девушки только ахали и восторженно смотрели на своих однокурсников. Нередко ему тоже хотелось рассказывать, но он молчал, с удовольствием слушая товарищей и чутьем отделяя правду от невинного домысла.

И вот накануне праздника новый секретарь комитета комсомола, встретив в коридоре Виктора, сказал:

— Курганов, ты завтра тоже выступаешь, как бывший партизан. Хватит уклоняться!

Фронтовики пришли на вечер «в полном параде». В вытуженных, но уже потершихся офицерских кителях, с орденами и медалями, они собрались на ярко освещенной сцене актового зала.

У Виктора не было кителя. В черном шевиотовом костюме, купленном им два года назад по ордеру завкома, он почувствовал себя на сцене как-то неловко и, скрывшись от глаз секретаря, уселся в зале.

Вечер долго не начинался. Волнение и беспокойство с каждой минутой все сильнее охватывали Виктора. Он даже не заметил, как рядом с ним села девушка в коричневом форменном платье школьницы. Когда он повернулся к ней, девушка привстала:

— Простите... Я, может быть, заняла ваше место?

Ее растерянность позабавила Виктора.

— На своем месте я сижу сам...

— Да?.. Спасибо.

Девушка, чувствуя на себе его взгляд, смущалась, то и дело отворачивалась в сторону. Ее вьющиеся золотистые волосы искрились под ярким светом люстр, а на тонкой податски нежной шее трепетно пульсировала чуть заметная под кожей жилочка.

«Школьница!» — подумал Виктор. Ему вдруг стало приятно, что рядом с ним сидит вот эта стеснительная девушка, и в то же время немного грустно, что эта девушка — школьница, что здесь, в академии, она, наверное, случайно, что он видит ее в первый, и вероятно, последний раз.

Прозвенел звонок, и вечер начался. Это был тщательно подготовленный и по-военному четко проведенный вечер.

После короткого доклада заведующего кафедрой один за другим к трибуне подходили бывшие летчики, танкисты, пехотинцы. Разные люди, разные судьбы, разные эпизоды... Всех с интересом слушали, но на третьем или четвертом выступлении Виктор неожиданно подумал, что все речи чем-то похожи одна на другую. Да-да, именно похожи, словно рассказывал все это один человек, послуживший и в пехоте, и в авиации, и на флоте.

Ответ пришел сразу же. Каждый выступавший читал заранее написанный текст, каждый, наверное, так же, как и Виктор, не спал ночь, писал свое выступление, потом сокращал, втискивая в регламент. И каждый начинал с общей части — о тридцатилетнем пути Советской Армии, о ее выдающихся победах.

В кармане у Виктора вместе с орденом Красного Знамени и медалями лежали листки с текстом подготовленного им выступления. Оно конечно, кое-чем отличалось от других: Виктору предстояло говорить о партизанах. Но и его выступление начиналось с истории создания Красной Армии, с Нарвы и Пскова.

«Не нужно этого! Это было в докладе! Надо другое — конкретное, яркое, запоминающееся... Может, меня и не вызовут? Хорошо, если бы не вызвали!» — подумал он, искоса посмотрев на свою соседку. Та чуть ли не ртом, слегка раскрытым и трогательно подрагивающим, ловила каждое слово выступающих, а в ее голубых, сощуренных глазах светилась такая неподдельная гордость за сидящих на

сцене фронтовиков, что Виктор уже пожалел, что не сел в президиум.

Он достал орден и, нагнувшись, прикрепил его к лацкану пиджака.

— Слово предоставляется бывшему партизану, студенту первого курса Курганову!..

Выхватив из кармана листок с текстом, Виктор стал пробираться к сцене, на какое-то мгновение поймав удивленный взгляд соседки.

Виктор не привык выступать, а сейчас сотни глаз смотрели на него, ждали его первых слов. Он не различал людей, и взгляд его не мог на ком-либо задержаться. Виктор молчал. Хотелось сказать такое, что не было бы похожим на те торжественные, по-праздничному приподнятые, но слишком общие речи, которые еще звучали в ушах.

Но что он мог рассказать?

Там, где он воевал, героизм и мужество нельзя было измерять количеством спущенных под откос эшелонов или взорванных мостов. Не было там ни обширных партизанских районов, ни многотысячных отрядов и бригад. В памяти — прежде всего далекие, неимоверно тяжкие походы, бесконечные леса, горы, болота. Сотни верст пути, и один-два взорванных моста на редких в тех краях шоссеиках, несколько уничтоженных машин врага.

— Начинай, Курганов! — услышал он встревоженный шепот секретаря комитета.

И вдруг он решился. Да-да, он расскажет о человеке, которому обязан своей жизнью, о Павле Кочетыгове, отважном разведчике из Войттозера. Почти два года жили они бок о бок, ели из одного котелка, их всегда и везде видели вместе. Их считали друзьями... Странная была дружба! Павел, в чем-то завидуя Виктору, часто подсмеивался, даже нередко унижал его. Так было до той мартовской ночи, когда они оба ценой жизни должны были спасти отряд.

Только тогда Виктор понял, что такое настоящая партизанская дружба.

Скомкав листок с речью, Виктор оперся локтями на кафедру и, с трудом подняв глаза на сидящих в зале, тихо произнес:

— Мне довелось воевать в Карелии. Я тоже хочу рассказать о мужестве, о героизме. Я расскажу о партизанах... О карельском парне — комсомольце Павле Кочетыгове...

Он сделал паузу. По напряженной тишине понял, что слушать будут, и это воодушевило его.

Он уже как бы перенесся в далекие карельские леса, в край озер и болот. Он говорил о крохотном селении Войттозеро, которое видел лишь один раз, и то ночью. Из этой деревни в партизанском отряде были трое: два комсомольца и командир отряда Тихон Захарович Орлиев. О школьных годах Павла Кочетыгова Виктор знал от Оли Рантуевой, но говорил об этом словно рос вместе с ним. Он ни разу не назвал Павла своим другом, но рассказывал о нем так, что всем было понятно, что так можно говорить об очень близком человеке. Это понравилось слушателям.

Лишь в самом конце Виктор растерялся. Он начал рассказывать о последних минутах жизни Павла. Ночь, лес, минные поля на побережье. Отряд, наткнувшись на засаду, отходит вдоль берега. Близится утро. Если не вырваться, не уйти за озеро, отряд днем погибнет. Виктор делает проход в минном поле. Дорога каждая минута. Проход уже готов. Осталось последнее. На середине озера — остров. Есть ли там огневые точки врага? Если есть, то разведчикам надо вызвать их огонь на себя, чтобы отряд смог уйти стороной.

Виктор умолкает, упирается взглядом в кафедру. Он сам никогда никому не рассказывал, что произошло у них с Павлом в эти последние минуты. Может быть, рассказать сейчас? Его поймут, ведь он не виноват ни в чем...

И вновь, как и много раз прежде, слова застревают в горле. Потом, потом... Обо всем случившемся он расскажет Орлиеву, или Дорохову, или любому другому партизану их отряда, кто знал историю их странной дружбы с Павлом.

— В общем... Павел вызвал на себя огонь финских дзотов. Он погиб... — с трудом произнес Виктор и замолчал.

Люди ждали от него еще чего-то. Он это понял, посмотрев в зал. Совсем тихо, как бы доверяя свои мысли лишь президиуму и первым рядам, Виктор добавил:

— В том бою меня тоже ранили. Сразу же, в начале боя. После госпиталя я уже не вернулся в отряд. Война в Карелии шла к концу... Память о Павле Кочетыгове будет вечно жить у каждого, знавшего его. А для меня она определила мою судьбу... На его родине лес — главное богатство. Он кормит людей... Наверное, поэтому я решил стать инженером-лесозаготовителем.

Резко повернувшись, Виктор сошел в зал. Несколько мгновений стояла тишина, а потом раздались такие дружные аплодисменты, что Виктор даже вздрогнул. Они продолжались до тех пор, пока он не уселся на место.

Соседка, глядя на него восторженными глазами, хлопала дольше всех.

— Вы замечательно выступили! Просто замечательно!

Виктор, покраснев, пробормотал что-то в ответ и стал пристально смотреть на сцену, где секретарь произносил заключительное слово.

Через минуту соседка тихо тронула его за рукав:

— Мой папа тоже был партизаном... Погиб где-то под Лугой. Как вы думаете, можно найти его могилу?

Виктор знал, что партизанскую могилу найти почти невозможно, но ему жаль было девушку.

— Трудно, но можно, пожалуй. Нужно отыскать кого-либо из его товарищей.

— А вы не скажете, куда лучше обратиться?

Виктор принялся объяснять. Девушка благодарно кивала головой и все время не сводила глаз с ордена Красного Знамени, выглядевшего особенно внушительно на лацкане черного костюма.

Так они познакомились.

Лена училась тогда в десятом классе и жила неподалеку от академии, где ее тетя работала библиотекарем. Осенью она поступила в университет, а через три года они поженились.

Вечер, посвященный годовщине Советской Армии, определил в жизни Виктора не только его семейные дела. Его выступление стало сказываться на его судьбе помимо его воли.

Для всех выпускников день распределения на работу — день волнений, тревог, беспокойства. Еще задолго до этого студенты бегают, суетятся, советуются, смотрят карты, справочники, улещивают секретаря в деканате в надежде выведать, куда ожидаются назначения. Виктору не пришлось испытать этого. За месяц до распределения декан факультета, встретив его в коридоре, протянул руку и, хитровато усмехаясь, спросил:

— Ну, как, не надумали оставаться в аспирантуре?

— Нет. Поеду в лес.

Декан, и удивленный, и довольный, потряс ему еще раз руку:

— Ну, что ж. Это хорошо. Поедете на свою партизанскую родину, в Карелию. Есть несколько заявок оттуда. А через годик-другой будем рады видеть вас в аспирантуре.

— Спасибо.

...Характеристика и автобиография, хранящиеся в личном деле каждого выпускника, делали свое дело. Виктор был почти убежден, что и здесь, в тресте, прежде всего обратят внимание на то, что он партизанил в войттозерских лесах.

Так оно и случилось.

Глава вторая

1

Вечером, возвращаясь из лесосеки в поселок, начальник Войттозерского лесопункта Тихон Захарович Орлиев впервые ощутил приближение старости. Велик ли подъем на Кумчаваару — всего каких-нибудь двести метров. Раньше Тихон Захарович, не отдыхая, всходил на каменистую, поросшую мхом вершину с одинокой, кряжистой сосной у ската в сторону Войттозера. А сейчас — на полпути тяжестью налились ноги, и усталость щемящей болью отдалась в сердце. Пришлось остановиться, присесть на выщербленный ветрами и солнцем валун, ждать, пока вечерняя прохлада высушит на лице испарину.

Весь день Тихон Захарович провел на участке Рантуевой.

Решение заняться вплотную одним мастерским участком и тем самым доказать, что дневной план выполним, не пришло само собой.

Лесопункт давно уже отставал. Минувшей зимой дела как будто начали выправляться, а в марте и совсем все пошло хорошо — вместо десяти тысяч кубометров вывезли чуть ли не двенадцать тысяч. Но с весны все опять разладилось. Бездорожье, поломки машин, отпуска — одно к одному. План проваливали, задолженность росла. Две недели назад Войттозерский лесопункт слушали на бюро райкома партии, и в решении, среди многих «указать», «отметить» и «обязать», говорилось и о конкретности руководства.

Кто-кто, а Тихон Захарович лучше других знал, что о необходимости конкретного руководства бюро записывает

СОДЕРЖАНИЕ

В. Бондаренко. ЖАЖДА ИСТИНЫ

3

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКУ. Роман

15

ВЫЗОВ, Первая повесть из жизни Петра Анохина

383

ВСЯ ПОЛНОТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Вторая повесть из жизни
Петра Анохина

503

- Гусаров Д. Я.
Г96 Избранные сочинения: В 2-х т. / Вступ. статья
В. Г. Бондаренко. — М.: Современник, 1981. —
Т. 1. — 654 с., 1 л. портр.

В первый том «Избранных сочинений» Д. Я. Гусарова включены роман «Цена человеку» и две повести из жизни Петра Анохина: «Вызов», «Вся полнота ответственности».

В романе «автор тщательно исследует сдвиги в моральных представлениях нашего современника, духовные человеческие ценности» — так писал один из критиков, Е. Такала.

В основу повествования о Петре Анохине легла героическая судьба верного сына революции. Все произведения отличает острый, динамично развивающийся сюжет.

Г 70302—093 без объявл. 4702010200
М 106(03)—81

ББК84Р7
Р 2

90

00

EST.

